

Первые впечатления от Японии.

Я пишу о своих первых впечатлениях от Японии. Они неполны и могут быть неверными. В первых впечатлениях есть всегда много поверхностного, неточного, но, вместе с тем, - в них всегда что-то неожиданное, что впоследствии сглаживается.

Я люблю смотреть из «движущегося» окна на пронсящийся ландшафт и часто думаю: кто здесь живет, жил, кто был в этих местах – сто, двести, тысячу лет назад. Пронсящиеся картины говорят мне не менее, чем лица людей, об индивидуальности страны, народа.

Сперва я увидел Японию из окна самолета. Мы подлетали к Токио. Земля, изрытая морем, и море, в которое врезались острова и горы. Море, прочерченное мостами и покоренное большими судами. Такое впечатление, что нет природы, а есть пространство, созданное человеком, невидимо дирижирующим движение судов, поездов, машин.

Но я ошибался, а ошибка произошла потому, что я – русский, человек, привыкший к огромным пространствам, воспринимающий природу и мир как волю и свободу. Японец (и это стало для меня особенно ясным, когда я вышел из самолета и пересел в машину – стал ближе к японской земле) слушает советы природы, помогает природе в ее неустанной работе – растить, живить, целить, порождать жизнь и красоту.

Японец не мечтает, как русский, пронестись по бескрайним полям на быстром скакуне навстречу ветру. Его чувство красоты природы другое: в поддержании всего сущего, согласовании всего того, что важно, - засадить склоны гор лесами, каждый клочок земли – рисом, украсить садом, провести ручей, устроить вносящий умиротворение водопад.

Я вспоминаю о том, что писал в своей маленькой книжке «Заметки о русском», - о стремлении русских расселиться на возможно большем пространстве, раздвинуться, почувствовать себя вольными. В сущности, - о том же самом, о чем писал Гоголь в конце «Мертвых душ», отождествляя Русь с несущейся тройкой. Мне показалось, что у японцев иное стремление: собраться вместе, освоить каждый клочок земли. Не покорять природу, а как бы дружить с ней, учиться у нее, подражать ей в лучшем.

Японцу не до бешеной гоньбы. Он сосредоточен на своей деятельности и поэтому достигает более прочных и устойчивых результатов. В отличие от русского японец придает огромное значение частностям и деталям, а потому детали играют во всем им сделанном первенствующую роль. Оттого японцы – лучшие копиисты в мире.

Японец любит землю во всех ее размерах и стремится в небольшом увидеть большое – Вселенную, космос или свою страну. В своем саду он устраивает уголки,

напоминающие ему о тех или иных местностях его страны, как бы создает свою страну в миниатюре: растит для этого карликовые деревья, любит маленькое не потому, что оно – маленькое, а чтобы увидеть за крошечным – большое, настоящее.

Эта тенденция прямо противоположна русской, но одновременно – и сходна, ибо и те и другие стремятся к большой Вселенной.

Отражение космоса в малой капле или желание в быстром движении охватить весь мир – оба эти устремления говорят, в сущности, о религиозном восприятии мира. Первое свойственно японцам, второе – русским. У японцев оно является причиной внимания к любой мелочи, к любой детали, к подчеркнутой точности во всем. У русских это религиозное отношение к миру создает стремление к созданию больших гипотез, новых парадоксальных идей. Одна из характернейших русских идей принадлежит философу Н. Федорову – населить космос воскрешенными людьми. Именно этой идеей вдохновлялся Циолковский, создавая проекты своих космических аппаратов.

Японец стремится почтить мир церемониями, ибо церемония близка к богослужению. Одна из характернейших и ценнейших – чайная церемония, в которой, как мне кажется, изящество и многовековая отточенность всех движений создают особое молитвенное настроение.

Праздник для японца – это церемония. Труд – и праздник, и церемония. Все вместе – это уважительное отношение к жизни, это восхищение миром, улыбка, обращенная к окружающему. Не случайно японцы так часто улыбаются.

Наш поезд прибывает в Киото. Мне отводят номер в гостинице, и под моим гостиничным окном я вижу водопад в небольшом, но чрезвычайно густо заросшем саду. Говорят? этот крошечный сад много старше гостиницы: ему несколько сот лет. Я спускаюсь в сад и обнаруживаю крохотное озерко, в которое впадает водопад и в котором плавают большие красивейшие карпы: черные, ярко-красные, белые, желтые, совсем золотые. Они с важностью показывают себя гуляющим.

Я не представлял даже, что сады Японии так разнообразны и различны по размерам. Есть сады не больше цветочной клумбы. И есть Императорские сады, которые имеют огромные площади для церемоний, окружая дворцы и даже являясь их частью.

Поразительны не только дворцовые сады в Киото, но и Императорские сады в центре Токио. В этих садах, пространственно превосходящих Московский Кремль, доминируют редко посаженные сосны, широко раскинувшие строго горизонтальные ветви. Сосны создают впечатление гигантского орнамента почти космического характера; сосны кружатся вокруг центра, подобно планетам Солнечной системы. Японские сады выражают философские мысли.

Усадебные сады и парки, принадлежавшие русскому дворянству, велики и окружены обычно бóльшим природным пространством. Одна из эстетических задач русских усадебных садов – раскрывать перед гуляющими разнообразные виды в даль, «уводить глаза к горизонту». Японские сады, хотя сами по себе и велики, но являются большими «для себя», приковывают взор к частностям, создают чувство огромности при помощи разнообразия.

И европейские сады, и японские несут в себе религиозно-созерцательное начало. Вглядываясь в японские сады, яснее осознаешь своеобразие европейских садов и парков. Находясь в них, учишься понимать выраженные через них богословские и мировоззренческие системы. Действительно, сады – это книги (мысль, безусловно, общая и для Запада, и для Востока), адресованные всем пяти чувствам человека. Но при изменении стилей садового искусства (даже если учитывать расцвет в европейском парковом искусстве романтического стиля во второй половине XVIII – начале XIX в., наиболее близкого к природе) необходимо признать бóльшую близость к природе японских садов и парков.

Прощаясь с Японией, я вспоминаю свои прежние представления о ней. Япония до поездки, когда я знакомился с ней по отдельным произведениям искусства, казалась мне единой, декоративной, не меняющейся во времени и единой на всем пространстве.

Сейчас я вижу Японию другой. Только слегка, поверхностно соприкоснувшись с ее историей, удивительным своеобразием и вместе с тем схожестью с русским восприятием мира, я представляю Японию как бы другой стороной единого земного шара.

Я продолжаю читать о ней и поражаюсь – как мало мы о ней знаем и как много мы теряем от этого!

Источник: Нева. СПб., 1994. № 5-6. С. 343-345.